

УДК 321/01

С.В.Яров

**ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРИЕМЕ В РКП(б) КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В 1918 г.
(НА МАТЕРИАЛАХ КРЕСТЕЦКОГО УЕЗДА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

The article is devoted to the investigation of one of the most interesting sources for the research of the mass revolutionary consciousness of the first years of the Soviet government — the document of the persons who entered the party. The author concludes that the most part of the applications were built according to the same sample. The applications are fragmentary, that's why they don't reflect the political views of their authors. Also they show that the campaigns of agitation into RCP(b) were well-organized and the candidates to become the communists obeyed the strict rituals.

По сравнению с другими историко-психологическими документами заявления о приеме в РКП(б) мало привлекали внимание историков. Краткость, стереотипность содержания и клишированность побуждали использовать их в лучшем случае как иллюстративный материал. Наиболее типичным это являлось для советской историографии. Вместе с тем анализ и такого источника дает некоторое представление о «революционном сознании» масс — разумеется, при этом необходим учет менее «формализованных» документов.

Первое, что сразу замечаешь, когда знакомишься с заявлениями о приеме в РКП(б) — это то, что внешне они близки к обычным прошениям, обращениям с просьбой о помощи. Стандартную формулировку в конце «к чему и подписуюсь» можно обнаружить в целом ряде таких заявлений [1], равно как и обращение «покорнейше прошу», обычно помещаемое в начале заявления [2]. Канцелярское оформление этих идеоло-

гических документов (оно, правда, было присуще далеко не всем) может свидетельствовать об устойчивости прежних практик обращения к власти несмотря на изменение их содержания. Не исключено, однако, что для некоторых из писавших заявления это было такой же меркантильной операцией, как и составление прошения о бытовых нуждах, и внешние приметы данных прошений для них здесь могли выглядеть вполне уместно. Какой бы ни являлась по содержанию эта просьба, она оставалась именно просьбой, и это вполне естественно могло подвигнуть на то, чтобы использовать штампы, привычные для просителя, причем не очень начитанного в идеологической литературе. Штампы, содержавшие реликты «челобитных» формул, заставляют поставить вопрос о подлинности и степени осознания политического выбора.

Типично для многих заявлений использование широко распространенных клише. Можно предположить, что перед заявителями, живущими весьма

близко, в одном уезде, был некий общий прототекст, который они лишь слегка «модернизировали» в зависимости от уровня своей грамотности. В заявлении о приеме в РКП(б), написанном жителем г. Крестцы В.Горьковым 23 сентября 1918 г. находим такую фразу (сохраняем орфографию и синтаксис подлинника): «все время сочувствовал Болшовикамъ и признаю программу их правильной въ зачиту рабочихъ и беднейшихъ крестьянъ» [3]. Спустя два дня житель дер. Шеребути Крестецкого уезда С.Ершов повторяет в своем заявлении почти тот же текст: «Я все время сочувствовал к Болшовикам и нахожу что программа коммунистов толко зачищает рабочихъ и беднейшихъ крестьянъ» [4]. Сомнительно, чтобы разные люди так одинаково исковеркали слово «большевик». Возможно, они получали наставления от одного и того же вербовщика, агитировавшего за вступление в партию в разных местах уезда (такая практика была обычной) и к тому же самого не очень грамотного. Часть заявления они явно писали под диктовку человека, несколько импровизировавшего, хотя по одной, весьма простой канве — имей перед собой письменный текст, они бы прямо и дословно переписали бы его, что тогда не было в диковинку. Тщательная же выписанность слова «Болшовик» (в обоих заявлениях с заглавной буквы) может свидетельствовать о том, что здесь внимание агитатора к составлению текста становилось более придирчивым, хотя он и сам был не способен дать правильную транскрипцию этого термина. Характерно, что подпись «Василий Горохов» выполнена другим почерком, нежели заявление. Возможно, за него писал это заявление кто-то другой, не исключено, что и вербовщик. Остается только строить предположения о том, кто подготовил этот текст — вербовщик или организатор партячейки, — но, бесспорно, считать его отражающим взгляды вступающего в РКП(б) можно лишь с крайней осторожностью. Был даже случай, когда заявление от желающего стать коммунистом было просто переписано без каких-либо изменений другим человеком. Возможно, это было обусловлено тем, что подписавшие заявления В.Е.Пахомов и П.Е.Пахомов, вероятно, являлись родственниками [5].

Близость содержания заявлений Я.Иванова и С.Александрова, видимо, объясняется тем, что оба они служили в одном учреждении — Крестецкой уездной ЧК — и писали их в один день: 16 ноября 1918 г. Приведем их тексты почти полностью. Заявление Я.Иванова: «Покорнейше прошу товарищей коммунистов большевиков принять меня в партию как сочувствующего и всецело преданного коммунизму. Обещаю быть вежливым и все возлагаемые на меня работы обещаю исполнять энергично и аккуратно» [6]. Заявление С.Александрова: «Покорнейше прошу товарищей коммунистов большевиков записать меня в партию коммунистов как сочувствующего стоящего на платформе Советской власти и всецело преданного коммунизму. Обещаю быть преданным и все возлагаемые на меня работы исполнять энергично и ак[к]куратно» [7].

Заявления, несомненно, писались по общему образцу или под диктовку одного человека. Кто из

заявителей импровизировал, отходя от заранее подготовленного текста, выяснить трудно. Обещание «быть вежливым» кажется большей импровизацией (и более искренней, если принять во внимание нравы в ЧК), нежели обещание «быть преданным». Но нельзя не заметить ассоциативную связь последнего из них с предшествовавшим ему предложением, где заявитель характеризует себя как «преданного коммунизму». Типичность клише «на платформе Советской власти», использованного в заявлении С.Александрова, заставляет предположить, что Я.Иванов мог просто слегка сократить предложенную ему и его сослуживцу формулу. Говорить о том, можно ли, принимая во внимание малосущественные и не очень заметные различия в этих текстах, выявить различия в настроениях обоих чекистов, представляется излишним. Даже не задавая вопроса о том, могли ли быть у работавших в столь особом заведении разные политические предпочтения, подчеркнем, что изученные нами заявления скорее маскируют, чем приоткрывают перед нами механику унификации общественного сознания в первые послереволюционные годы. Оба из подписавших заявление о приеме в РКП(б) скрыты за броней умело или не очень умело сцепленных между собой штампов, за которыми трудно ощутить их индивидуальность.

Заметим в связи с этим, что во многих заявлениях о приеме в РКП(б) мы встречаем одинаковые клише — партия привлекает тем, что выступает защитницей низших классов («в зачиту рабочихъ и беднейшихъ крестьянъ», «толко защищает рабочихъ и беднейшихъ крестьянъ» [8]), а вступающий в партию сочувствовал большевикам («все время сочувствовали Болшовикамъ», «Я все время сочувствовал к Болшовикамъ», «сочувствовал партии коммунистов, большевиков» [9]). Примечательно, что в коллективном заявлении о вступлении в партию (правда, редко в те годы) насыщенность текста различными расхожими клише еще более возрастает. Это объяснимо, поскольку здесь мы обычно имеем дело не с редакцией, унифицирующей различные устремления в рамках одного заявления, а о «механическом» присоединении к заранее подготовленному тексту. Наиболее типичным по цепочке скрепляющих его идеологических штампов является текст коллективного заявления служащих отдела внутреннего управления Крестецкого уездного совета (ноябрь 1918 г.): «Ввиду тяжелого кризиса, переживаемого в настоящий момент нашей дорогой Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, и как сочувствующие советской власти и питающие огромную симпатию к фракции коммунистов-большевиков не желаем далее оставаться простыми зрителями и сознавая, что теперь более чем когда либо нужна твердая поддержка существующей власти! Убедительно просим тов[арищей] коммунистов принять нас в свою семью, дабы прочнее сомкнуть ряды борцов за пролетариат и беднейшее крестьянство и общими усилиями добиться светлого будущего» [10]. Уберите отсюда все клише — и от текста мало что останется. Специфика этого заявления — в чуть большей дозе, чем это допускалось в безыскусно-трафаретных кратких «ни-

зовых» текстах, пафосной риторики и канцеляризма, что было привычным для более грамотной бюрократической среды.

Коллективное заявление (постановление, резолюция, обращение, воззвание), разумеется, может так же отражать позицию людей, как и составленный ими «индивидуальный» текст. Но в лучшем случае нам будет дано оценить только их общий настрой, без каких-либо оттенков — и обязательно с оговоркой о том, что коллективное творчество зачастую было следствием манипуляций или репрессивного воздействия на массы. В кратких текстах «рядовых граждан», не очень грамотно переписанных (или, что бывало более редко, содержащих не очень отчетливые импровизации) по неумелости вкрапления клише в чуждую им обиходно-бытовую речь можно все же попытаться определять степень самостоятельности заявителя. В текстах «грамотных» это сделать сложно: непосредственное, «живое» в человеке наглухо закрыто порой виртуозно составленной мозаикой различных систем идеологического письма.

Некоторые заявления представляют собой развернутое изложение биографии их составителя. Проанализируем содержание одного из них, написанного в ноябре 1918 г. П.М.Зениным. Оно явно составлено самостоятельно, но при этом видно, что контрапункты сообщения определены идеологической догматикой. Свою биографию Зенин, очевидно, «подстраивает» под осевые конструкции некоего идеального типа «обращенного в большевизм». «Не желая оставаться пассивным при воссоздании трудовой социалистической коммуны, защищающей интересы рабочих и беднейшего крестьянства... Я как истинный сын труда и вышедший из среды беднейших, горю желанием жертвовать всем до жизни включительно за благо и счастье трудового народа» — так начинается заявление [11]. Характерен штамп «рабочих и беднейшего крестьянства» — во многих заявлениях эти два класса перечислены только в такой последовательности и только такое прилагательное употребляли, когда писали о крестьянстве. Оборот «истинный сын труда», хотя и уместен по своей «литературности» и пафосности в устах провинциального педагога, не позволяет все же в должной степени оценить его идейность. Цели заявителя сплошь оформлены цепочкой риторических штампов («горю желанием жертвовать», «благо... трудового народа», «трудовая коммуна»). Конечно, вступление в партию прежде всего подразумевается как духовный переворот, сообщению о котором и приличествует большая возвышенность, тщательный отбор слов, и считается не всегда удобным делать акцент на прозаичных вещах. Но чрезмерная театрализация выставленных для публичного обозрения своих ценностей и целей, как правило позитивных, почти неизбежно исключает доверительность в обращении к кому-либо. Чем более текст насыщен такими штампами, имитирующими восхождение к высотам духа, тем в большей степени содержание он является «пустым».

Переходя от изложения своих мировоззренческих позиций к повествованию о своем жизненном пути автор, казалось бы, должен был несколько «при-

землить» текст, сделать его менее риторичным. Этого, однако, не происходит, поскольку перечисление всех биографических фактов служит одной цели — доказать подлинность, неминуемость и последовательность своего движения к большевизму, а это снова требует использования особого клишированного языка. Этот язык, к тому же, может служить завесой при описании тех эпизодов, в которых автор мог взглянуть не столь «революционно» и однозначно. Так, Зенин сообщает, что он принимал «дейтельное участие в строительстве новой жизни», мало чем при последующем изложении конкретизируя эту посылку. Говорится, например, о том, что в начале революции он находился «на передовых позициях в полку» — двусмысленная фраза, учитывая контекст события. Еще большей двусмысленностью, осложненной примесью риторики, отличается его утверждение о том, что он «в числе немногих сознательных товарищей всеми силами стремился к созданию в полку прочной красной ячейки» [12]. Автор заявления нарочито избегает какой-либо конкретности. Не называя ни фронт, ни полк, где он служил, неясно, о какой «красной ячейке» идет речь, — чтобы поймать его на слове, необходима сугубая изошренность. «Анкетные» заявления о вступлении в РКП(б) не были тогда в диковинку, но им обычно было свойственно громоздкое и дотошное перечисление должностей, на которых удалось побывать кандидату в коммунисты. Здесь же перед нами своеобразная квази-анкета, несомненно определенная знанием ряда стратегий при поступлении в партию. Заявление строится следующим образом: сначала излагается политическое кредо его составителя, а затем показано, что оно обусловлено его политическим и социальным опытом, а не возникло из конъюнктурных расчетов. Все ненужное, мешающее достижению цели заявителя отбрасывается. Все вехи его биографии, способные вызвать сомнение в искренности его революционности, получают мотивировки, которые свидетельствуют о понимании заявителем правил тогдашнего политического политеса: когда приходится объяснять свой уход из армии, то подчеркивается, что в первый раз он был уволен из ее рядов вследствие своей профессии, а во второй — из-за необходимости лечения и ввиду расформирования полка.

Еще один вариант заявления-биографии — текст, написанный в октябре 1918 г. членом Крестецкого уездного исполнительного комитета Д.С.Никуличевым. Прочитируем его полностью: «Приветствую Советскую рабоче-кр[естьянскую] армию и горячо сочувствую партии коммунистов большевиков. Я 5 марта сего года поступил в рабоче-крестьянскую Красную Армию и приносил всю свою силу и энергию на пользу общего блага, затем я, как представитель от отряда Красной Армии, принят членом исполкома и по настоящее время продолжаю работать на пользу и развитие, и укрепление дорогой рабоче-крестьянской Советской власти, и я, как сознательный работник, не могу ограничиться сочув[в]ствием к партии, а потому прошу исполнит[ельный] комитет партии записать[ь] меня, Никуличева, членом партии коммунистов большевиков и выдать[ь] членский билет» [13]. Его тоже можно считать

осмотрительно составленным документом, и не вина его автора в том, что он желал подчеркнуть, видимо, что находился в рядах Красной Армии с самого начала ее существования, сообщив, что оказался в ее рядах 5 марта 1918 г., спустя несколько дней после заключения Брест-Литовского договора и прекращения войны.

Текст еще менее конкретен, чем заявление П.М.Зенина. Это даже не переписка биографии, а вкрапление тех или иных биографических данных в сугубо риторический текст для того, чтобы подтвердить содержащиеся здесь положения. Составные части заявления имеют логическую последовательность: 1) здравитца в честь армии и выражение сочувствия партии; 2) перечисление тех вех биографии, которые характеризуют составителя заявления как преданного сторонника большевизма; 3) краткая мотивация решения о вступлении в партию. Текст можно считать неким промежуточным звеном между кратким, сплошь насыщенным идеологическими клише заявлением и собственно биографией, содержащей конкретные детали жизненного пути кандидата. Не очень, правда, ясно, что перед нами — эволюция жанра заявления или отражение разных подходов к его составлению, характеризующих степень выполнения местными партийными структурами инструкций вышестоящих инстанций. Подчеркнем, что в ряде случаев оговорки в заявлениях, долженствующие удостоверить лояльность их составителя (например, указание на то, в каких партиях он состоял или сочувствует ли он идеям коммунистов), отсутствовали, но где-то они являлись его обязательной принадлежностью. Но независимо от того, было ли продиктовано (вследствие выполнения канцелярских требований) содержание текста заявителю или он считал необходимым привести подробности своей биографии, чтобы придать заявлению большую доказательность, самый факт изъявления верноподданнических чувств характеризует как уровень конформизма кандидата, так и его согласие следовать определенным правилам политических и бюрократических игр.

В некоторых заявлениях приводятся и другие формулировки, не столь прямые, призванные подчеркнуть факт лояльности кандидатов, но не исключено, что они скорее являлись следствием инициативы вербовщиков, контролировавших подготовку документов. Так, кандидаты Д.Евстюшкин и Д.Лукин, подавшие заявление о приеме в РКП(б) в октябре 1918 г., объясняли свое отсутствие в ее рядах почти в одних и тех же выражениях: «Ранее был беспартийным, ввиду того, что проживал в провинции и с программами знаком не был» [14], «ранее я не просился в названную партию по той причине, что ранее не был знаком с программой и действи[ем] ее» [15]. Не очень ясна подоплека того, почему в некоторых заявлениях — одни критерии лояльности, а в других они меняются. Но мы должны отметить в целом прочность и неизменность сценария составления заявлений и его доминант. Указание на свою преданность, будь то перечисление этапов биографии или оправдание, там присутствует обязательно. Мы можем, конечно, оценить обоснованность таких оправданий — и усомниться в искренности сообщения кандидата о том,

что он ознакомился «с программой и действием ее» только спустя год после Октябрьского восстания, — но стоит признать, что внешне они отличаются логичностью, а большего от вступающих в партию, как это видно из документов, и не требовалось. Мы можем явственнее обнаружить «второй» слой в заявлениях вступающих в РКП(б), что в какой-то мере помогает снять с них риторические наслоения и лучше оценить искренность политической исповеди. Так, в заявлении В.Е.Петрова после ставших традиционными уверений («раньше я нивкакой партии не состоял а все время сочувствовал партии коммунистов Большевиков») содержится в конце признание: «Настоящее время я служу в Чрезвычайной Комиссии необходимо быть в партии» [16]. Первые его оговорки продиктованы сложившимся ритуалом вступления в партию и о его подлинной позиции скажут нам немного. Но последняя делает более прозаичными мотивы его желания стать коммунистом.

Подведем итоги. Все проанализированные нами заявления о приеме в РКП(б) написаны осенью 1918 г., и круг их авторов ограничивается только жителями Крестецкого уезда Новгородской губернии. В силу этого делать далеко идущие выводы крайне трудно, но и примененный здесь микроисторический подход имеет ряд преимуществ. Он четче показывает нам некоторые доминирующие тенденции, характерные для одной местной структуры, которые труднее проследить в том случае, когда приходится оценивать партийно-канцелярское творчество в рамках губернии или даже целого региона. Первое, что необходимо отметить — сугубо формальный подход к составлению заявлений о приеме в коммунистическую партию. Историк, читающему эти документы даже между строк, едва ли удастся узнать из них о настроениях кандидатов и мотивах их решения. Как следует из документов, специфичность такого акта, как вступление в партию, осознается не в полную меру. Заявления составляются как типичные прошения, с соответствующими лексическими формулами («покорнейше прошу», «к чему и подписуюсь»). В очень многих ситуациях авторы заявлений просто переписывают имевшийся у них образец (и в рамках уезда это увидеть гораздо легче, чем в рамках губернии). Незначительные различия в их текстах обусловлены скорее уровнем их грамотности, но не различиями их индивидуальностей. Даже там, где самостоятельно пытаются составить заявления, последние скреплены жестким каркасом клише, как правило, однообразных.

Разумеется, использование штампов не обязательно приводит к тому, что мы лишаемся возможности узнать что-либо о «революционном сознании» неопитов большевизма. Но это означает, что различные устремления, предпочтения, ценностные ориентации, которые, конечно, могут быть и очень индивидуальными у разных людей, «унифицированы» нормативным политическим языком, который не позволяет выявить оттенки настроений, какие-либо отклонения, неофициозные мнения — все скрыто за шелухой «политической трескотни». Сами заявления, если оценивать структуру и стратегии многих из них, далеки от бесхитростной, искренней исповеди. В тех случаях,

когда перед нами развернутое заявление с элементами автобиографии, мы обнаруживаем искусный подбор тех описаний жизненного пути, в которых замалчиваются его «невьигрышные» эпизоды и выставляется на первый план то, что должно представить заявителя как человека, готового стать коммунистом.

И все же даже такой источник, как заявления о вступлении в РКП(б), дает возможность выявить некоторые особенности облика «революционеров» первых послеоктябрьских лет. Это человек, который без оговорок принимает правила предписанных ему бюрократических игр, не пытаясь сопротивляться им. Он зачастую не имеет собственного «индивидуально-го» языка для выражения своих политических настроений и охотно пользуется языком клишированным. Это человек, который азы политической грамоты приобретал скорее понаслышке, на митингах, а не посредством чтения книг. Для него вступление в партию может быть продиктовано и корыстным расчетом, а не только «идейными» соображениями. Он, наконец, готов нарочито подчеркнуть свою лояль-

ность и порой делает это хотя и неуклюже, но самостоятельно, вырываясь за частокор чуждых его культуре идеологических штампов.

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф.103. Оп.1. Д.2. Л.48-48 об., 52.
2. Там же. Л.27-27 об., 50.
3. Там же. Л.48-48 об.
4. Там же. Д.22. Л.35.
5. Там же. Д.2. Л.59.
6. Там же. Л.72.
7. Там же. Л.70.
8. Там же. Л.35, 48-48 об. Сохранена орфография подлинника.
9. Там же. Л.48-48 об., 50; Д.22. Л.35. Сохранена орфография подлинника.
10. Там же. Д.2. Л.69.
11. Там же. Д.22. Л.45-46 об.
12. Там же.
13. Там же. Л.38-38 об.
14. Там же. Д.2. Л.51.
15. Там же. Л.52.
16. Там же. Л.55. Сохранена орфография подлинника.